

Е. А. Десницкая

ОПРЕДЕЛЕНИЕ СЛОВА У ДРЕВНЕИНДИЙСКОГО ГРАММАТИСТА ПАТАНДЖАЛИ

*Работа представлена кафедрой философии и культурологии Востока
Санкт-Петербургского государственного университета.*

Научный руководитель – кандидат философских наук, доцент К. Ю. Солонин

В статье предпринят анализ пассажа из «Махабхашьи», трактата древнеиндийского грамматиста Патанджали (III в. до н. э.), в котором дается определение слова. Деятельностная ориента-

ция индийской грамматики приводит к тому, что Патанджали определяет слово через его отношение к референту. Для этого он вводит «порождающую схему», позволяющую категориально исчислить все возможные референты слова.

Ключевые слова: древнеиндийская грамматика, Патанджали, определение слова.

The paper deals with the definition of the word in Patanjali's «Mahabhashya» (II B.C.). Due to the functional orientation of the traditional Indian grammar, Patanjali defines the word through its relation to the referent, categorizing all possible referents of a word by means of a special 'derivational scheme'.

Key words: Indian grammar, Patanjali, word.

Древнеиндийская грамматика сформировалась в системе ведийского ритуала. Первоначальной задачей этой дисциплины было обеспечение правильной речевой деятельности при совершении обрядов. Основополагающий текст традиции – «Аштадхьяи» (буквально «Восьмикнижие»), известный также как грамматика Панини, был создан в V в. до н. э. Текст представляет собой систему команд или операций, выполнение которых приводит к порождению правильных форм санскрита¹.

Следующий фундаментальный текст индийской грамматической традиции – «Махабхашья» (МБХ) или «Великий комментарий» Патанджали – развернутый теоретический комментарий на грамматику Панини, относящийся к II в. до н. э. МБХ построена в форме диалога между учителем (самим Патанджали), которому принадлежит решающее слово, и учениками, которые задают вопросы и строят предположения. В первой части МБХ Патанджали определяет грамматику как «наставление о словах»². В связи с этим возникает необходимость дать определение слова. Эта необходимость обусловлена прежде всего деятельностью направленностью древнеиндийской грамматики: ведь для того, чтобы выполнять практические предписания дисциплины, следует иметь однозначное представление о ее предмете.

Поэтому Патанджали начинает исследование природы слова со следующего вопроса:

«– Итак, [произнесем]: 'корова'. Что здесь слово?»³

Далее в тексте рассматриваются и последовательно отвергаются несколько предположений, которые на первый взгляд кажутся достаточно неожиданными:

«– Что же, предмет с подгрудком, хвостом, горбом, копытами и рогами и есть слово?

– Нет, – сказал [Патанджали]. – Это ведь материал.

– Тогда, может быть, слово – это движение, шевеление, моргание?

– Нет, – сказал [Патанджали]. – Это ведь действие.

– Тогда, может быть, слово – это то, что белое, темное, черное, рыжее, сивое?

– Нет, – сказал [Патанджали]. – Это ведь качество.

– Тогда, может быть, слово – это то, что неизменно в изменяющемся, нераздельно в поддающемся разделению и тождественно общему признаку [в предметах]?

– Нет, – сказал [Патанджали]. – Это же родовая форма»⁴.

Это рассуждение выглядит на первый взгляд довольно нелепым. Казалось бы, всякому разумному человеку должно быть интуитивно понятно, что такое слово. Поэтому очень соблазнительно истолковать процитированный пассаж с помощью концепции мифологического мышления, не утрачивающей популярности уже более полувека. В соответствии с этой концепцией носители мифологического мышления, к числу которых причисляют и древних

индийцев, не способны к логическому и абстрактному мышлению⁵, и апелляция к ней предоставляет исследователю элегантный выход из ситуации, когда он сталкивается с неразрешимыми затруднениями при интерпретации тех или иных явлений в древней культуре.

Однако следует иметь в виду, что в последнее время строгое противопоставление мифологического или образного мышления логическому перестает считаться бесспорным. По мнению ряда исследователей, оба эти вида мышления свойственны современному человеку не в меньшей степени, что и древнему⁶. Тем более что апелляция к концепции мифологического мышления ничуть не проясняет содержания рассматриваемого пассажа из МБХ. Поэтому в данной статье предлагается иная интерпретация, основанная на предположении, что приведенное рассуждение о природе слова вполне осмысленно и если и выглядит для нас непонятным, то только потому, что мы не вполне представляем себе деятельностьную ситуацию, в которой оно было сформулировано.

Действительно, древние тексты, которые принято обозначать как философские, отличаются от современных большей, если так можно выразиться, «эмпиричностью». Авторы этих текстов занимались осмыслением действительности, и их прозрения отличались немалой глубиной. И вместе с тем они стремились к разрешению вполне конкретных практических вопросов, их философствование еще не превратилось в действие ради самого себя, не стало дискурсивным (если, следуя Бибихину, понимать дискурс как «пространство непривязанных смыслов»⁷).

Исходной точкой в рассуждениях Патанджали была речевая деятельность, должное осуществление которой было одним из условий для успешного совершения ритуала. Задавшись целью дать определение слова, индийских грамматист, естественно, рассматривал его именно в контексте обы-

денной речевой деятельности, в которой употребление слов неразрывно связано с оперированием их референтами. Поэтому при таком подходе разумно определять слово через его отношение к референту, а для этого сперва необходимо дать определение референта. В ритуальной деятельности, внутренними потребностями которой и было обусловлено возникновение грамматики, референтами слов являлись прежде всего эмпирические объекты, поэтому Патанджали выбрал для рассмотрения такой частный пример референта, как корова.

Однако общее количество возможных референтов слов чрезвычайно велико, и для определения каждого из них по отдельности требуется очень много времени. К тому же вызывает сомнения возможность создания универсальной системы, в рамках которой можно было бы исчислить все возможные объекты. В связи с этим можно вспомнить, что попытки создать универсальный философский язык, предпринимавшиеся европейскими рационалистами, в частности Лейбницем, оказались безуспешными. Также и Витгенштейн в конце «Логико-философского трактата» вынужден был признать существование вещей, в принципе неопределимых⁸.

Впрочем, Патанджали занимался разработкой теоретических вопросов лишь постольку, поскольку они были связаны с практической деятельностью. И в странном на первый взгляд рассуждении индийский грамматист ввел «порождающую схему», в рамках которой оказывалось возможно исчислить все объекты.

В этой схеме каждый объект задается по четырем параметрам. Первые три:

1. Материал, из которого состоит объект, а точнее, определенный способ организации материала, каковым в случае с коровой оказывается совокупность рогов, копыт, подгрудка и прочего.

2. Специфические действия объекта – для коровы это: мычание, особая манера передвигаться, пастись и т. д.

3. Качества, отличающие каждый экземпляр объектов данного вида. Примером такого качества служит цвет: коровы бывают рыжими, белыми, пятнистыми и т. д. Но в пределах одного вида объектов различие качеств не безгранично: корова не бывает полосатой как зебра.

В целом эти три параметра полностью описывают объект, но в общем виде они достаточно неопределенны, а доскональное установление их значений в каждом конкретном случае уводит в «дурную бесконечность». К тому же, продолжая пример с коровой, можно представить себе животное, лишившееся рогов, хвоста и копыт, от дряхлости не способное двигаться и покрытое зелеными пятнами, – и все равно в нем можно опознать корову.

Поэтому Патанджали ввел четвертый параметр – родовую форму объекта, т. е. нечто существующее в объекте, благодаря чему мы независимо от ситуации всегда распознаем этот объект. В следующие века вопрос о природе родовой формы, которую также можно назвать универсалией объекта, рассматривался различными школами индийской философии⁹. Но для Патанджали в контексте данного рассуждения онтологический статус этой универсальной родовой формы значения не имел. Чтобы решить стоявшую перед ним задачу, ему достаточно было лишь постулировать существование универсалий объектов.

Таким образом, в непонятном на первый взгляд диалоге Патанджали изложил универсальную систему исчисления всех возможных объектов. Характерно, что когда впоследствии схожее исчисление было

предпринято в натурфилософской системе *вайшешики*, названия первых четырех введенных для этого категорий совпали с теми, которые перечислял Патанджали¹⁰.

Сформулировав не уходящее в бесконечность и нетавтологическое определение референта, Патанджали установил, что слово не тождественно ни референту, ни его отдельным частям. И, апеллируя к речевой деятельности, грамматист заключил, что «слово – это то, при произнесении чего возникает представление [о референте]»¹¹. То есть восприятие слова тождественно непосредственному восприятию референта. А по своей природе слово – это «звук, смысл которого понятен в обыденной речи»¹².

Подобное определение слова может показаться «недостаточно абстрактным» по сравнению с привычными для нас экстенсивными определениями слова как «единицы языка, служащей для именования предметов и их свойств...»¹³. Но авторы подобных определений рассматривают язык как объект, на который они смотрят «извне», тогда как Патанджали находится в иной методологической позиции. Он формулирует свое определение, находясь «внутри» ситуации речевой коммуникации. Такой подход естественно обусловил присущее индийским грамматистам понимание слова как единицы речи, существующей только в процессе речевой деятельности.

Возможные же предположения о том, что характер определения обусловлен «неразвитостью» или «мифологичностью» мышления древних индийцев, опровергаются существованием грамматики Панини, высочайший уровень абстрактного мышления в которой сомнения не вызывает.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ *Парибок А. В.* О методологических основаниях индийской лингвистики // История лингвистических учений. Средневековый Восток. Л., 1981. С. 164.

² *Patanjali's Vyakarana-Mahabhashya.* Edited by F. Kielhorn. Vol. I–III. Bombay, 1880–1885. Vol. I. P. 1.

³ *Ibid.* P. 1.

⁴ *Ibid.* P. 1.

⁵ См. напр.: *Леви-Стросс К.* Первобытное мышление. М., 1994.

⁶ *Касевич В. Б.* Буддизм. Картина мира. Язык. СПб., 2004. С. 77–136.

⁷ Бибихин В. В. Язык философии. М., 2002. С. 253.

⁸ Витгенштейн Л. Философские работы / Пер. М. С. Козловой и Ю. А. Асеева. М., 1994. Ч. 1. С. 72–74.

⁹ Подробнее об этом см.: *Dravid R. R.* The problem of universals in Indian Philosophy. Delhi, 1972.

¹⁰ Лысенко В. Г. Универсум вайшешики (по «Собранию характеристик категорий» Прашастапады). М., 2003. С. 10–11.

¹¹ Patanjali's Vyakarana-Mahabhashya. Op. cit. Vol. I. P. 1.

¹² Ibid. P. 1.

¹³ Ср.: Лингвистический энциклопедический словарь / Гл. ред. В. Н. Ярцева. М., 1990. С. 464.